

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В
МЕДИАПРАСТРАНСТВЕ

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Хужакулова Динора

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

***Аннотация.** В статье исследуются динамические изменения в лексическом составе современного медиапространства, обусловленные активным проникновением разговорных конструкций в публицистический дискурс. Анализирует причины стирания границ между книжной и вербальной традициями, рассматривая медиатекст как гибридную форму коммуникации. Особое внимание уделяется процессам семантической трансформации и экспрессивизации языка СМИ.*

***Ключевые слова:** медиадискурс, разговорная лексика, динамические процессы, экспрессивность, языковая норма, медиапространство.*

***Abstract.** The article explores dynamic changes in the lexical composition of the modern media space, caused by the active penetration of colloquial structures into journalistic discourse. The author analyzes the reasons for the blurring of boundaries between book and verbal traditions, considering the media text as a hybrid form of communication. Particular attention is paid to the processes of semantic transformation and expressivization of the media language.*

***Keywords:** media discourse, colloquial vocabulary, dynamic processes, expressiveness, language norm, media space.*

Современное состояние русского языка в пространстве массмедиа характеризуется беспрецедентной степенью свободы, которую исследователи часто называют «лингвистическим либерализмом». Процесс интеграции

разговорных элементов в ткань серьезного аналитического или новостного текста перестал быть периферийным явлением, превратившись в доминирующую стратегию взаимодействия с аудиторией. Если в классической советской парадигме диктор или журналист выступал как эталонный носитель кодифицированной нормы, то сегодняшний медиасубъект стремится к максимальному сближению с адресатом через использование его повседневного речевого кода. Фундаментальные изменения начинаются с разрушения жесткой стилистической иерархии. Как отмечает в своих работах М. А. Кронгауз, мы наблюдаем ситуацию, где «высокий» стиль вытесняется более гибкими, иногда агрессивными формами вербального самовыражения [1, с. 42]. Это не просто упрощение, а попытка сделать информацию более «осязаемой» и эмоционально заряженной. Разговорная лексика в данном контексте выступает как инструмент аутентичности. Когда журналист использует сниженную лексику или просторечные обороты, он как бы снимает маску официальности, приглашая читателя к доверительному, почти кухонному разговору, что критически важно в эпоху избыточного информационного шума.

Одной из ключевых особенностей этого процесса является вторичная интеллектуализация разговорности. Мы видим, как слова, ранее принадлежавшие исключительно бытовой сфере, обретают новые концептуальные смыслы. Язык начинает «задыхаться» от наплыва заимствований и жаргонизмов, но одновременно обретает новую пластику, позволяющую описывать абсурдность современной реальности точнее, чем это делает сухой академический слог. Это напоминает процесс варки лингвистического бульона, где ингредиенты из разных социальных слоев смешиваются, создавая уникальный вкус современного медиатекста. Критический взгляд на данную проблему предлагает Г. Я. Солганик. В своих трудах он указывал на опасность «языковой дезориентации», когда чрезмерное увлечение экспрессией ведет к размыванию смыслового ядра сообщения [4, с. 75]. Критик подчеркивает, что медиaprостранство превращается в полигон для

испытания языковой нормы на прочность. По его мнению, погоня за «живым словом» часто оборачивается тиражированием речевой небрежности, которая, закрепляясь в сознании масс через авторитетные каналы коммуникации, становится новой, пугающе упрощенной нормой.

Активные процессы в разговорной лексике также тесно связаны с явлением интертекстуальности. Сегодняшний медиатекст — это лоскутное одеяло, где цитата из классики может соседствовать с актуальным интернет-мемом или сленговым неологизмом. Разговорность в СМИ сегодня выполняет функцию «стилистического детонатора». Она взрывает монотонность текста, привлекая внимание к ключевым узлам повествования. Происходит своеобразная демократизация дискурса: сложные политические или экономические категории объясняются через понятные, бытовые метафоры, что делает медиаконтент более инклюзивным. Интересно рассмотреть процесс адаптации молодежного сленга в профессиональной журналистике. Если раньше такие включения были признаком маргинальности, то теперь они служат маркером «своего» для огромной цифровой аудитории. Слова типа «хайп», «хейт» или «токсичность» настолько прочно вошли в обиход, что воспринимаются уже не как чужеродные вкрапления, а как необходимые термины для описания новых социальных механик. Слова — это живые существа, которые мигрируют из тесных подростковых чатов в заголовки федеральных изданий, по пути сбрасывая грубую кожу сленга и обретая лоск легитимности.

Однако этот процесс имеет и обратную сторону. Исследователи медиаязыка часто обращают внимание на феномен «стилистического диссонанса». Когда серьезное издание, освещающее вопросы государственного масштаба, внезапно переходит на лексику уличного спора, возникает эффект когнитивного искажения. С одной стороны, это повышает цитируемость и вовлеченность, с другой — подрывает доверие к институциональному статусу медиа. Индивидуализация стиля журналиста не должна превращаться в языковое шутовство. Мастерство заключается в

умении балансировать на грани между живой речью и литературной дисциплиной, не переходя черту, за которой начинается деградация смыслов. Влияние цифровой среды на разговорную лексику в медиа невозможно переоценить. Социальные сети стали основным поставщиком речевых инноваций. Лаконичность, ироничность и эмоциональная открытость постов в Telegram или Facebook (запрещена в РФ) диктуют формат даже для традиционных газетных колонок. Журналист больше не «вещает», он «комментирует» реальность, используя те же языковые инструменты, что и его читатели в комментариях под текстом. Это создает иллюзию горизонтальной коммуникации, где авторитет автора держится не на должности, а на способности владеть актуальным речевым потоком. Разговорная лексика в медиапространстве — это не признак упадка, а свидетельство высокой адаптивности языка. Он впитывает в себя энергию живой речи, чтобы оставаться релевантным меняющемуся миру. В то же время, ответственность профессионального сообщества заключается в фильтрации этого потока, чтобы экспрессия не вытеснила глубину, а живое слово не превратилось в пустой шум.

В современных медиа разговорное слово перестает быть просто средством передачи бытовой информации; оно становится оценочным фильтром. Как отмечает С. И. Сметанина, медиатекст сегодня стремится не к отражению реальности, а к её интерпретации через призму иронии и языковой игры [5, с. 88]. Особое место в этом процессе занимает «окказиональная экспрессия» — создание новых слов на стыке литературной нормы и сленга. Журналисты часто прибегают к приему, который в лингвистике называют «стилистическим контрастом». В рамках одного предложения могут соседствовать канцеляризм и экспрессивное просторечие. Например, обсуждение серьезной законотворческой инициативы может сопровождаться глаголами типа «продавить», «зафутболить» или «распилить». Это создает эффект сопричастности: читатель чувствует, что автор понимает истинную, подкованную суть вещей, скрытую за официальными формулировками. Язык

СМИ постоянно пытается вырваться из оков казенной речи, используя разговорность как способ реанимации смыслов. В её понимании, когда медиа используют слова с яркой эмоциональной окраской, они не просто упрощают текст, а возвращают ему человеческое измерение. Однако грань здесь крайне тонка. Анализируя идеи критиков, стоит упомянуть мнение Н. С. Валгиной, которая предостерегала от «агрессивного дилетантизма». По её убеждению, когда разговорная стихия полностью поглощает логическую структуру текста, медиа утрачивают свою просветительскую функцию, превращаясь в ретранслятор обыденного сознания [2, с. 112]. Интересным процессом является «терминологизация разговорности». Многие слова, которые еще десятилетие назад считались недопустимыми в качественной прессе, сегодня обретают статус квазитерминов. Возьмем, к примеру, слово «разборки» или «наезд». В контексте политической аналитики они уже не воспринимаются как жаргонизмы, а четко описывают определенный тип конфликтного взаимодействия. Здесь мы видим реализацию закона экономии речевых усилий: одно разговорное слово заменяет собой длинную описательную конструкцию, сохраняя при этом нужную степень экспрессии.

Влияние интернет-коммуникации на структуру медиатекста привело к появлению феномена «визуальной разговорности». Использование эмодзи, специфической пунктуации (или её намеренного отсутствия) в заголовках и лидах статей создает эффект мгновенного отклика. Мы больше не пишем статьи — мы ведем непрерывный диалог в глобальном чате. Это меняет саму архитектуру публицистики: на смену длинным периодам приходят рубленые, фрагментарные фразы, характерные для живого спора. Другой важный аспект — деэвфемизация медиаязыка. Если классическая журналистика стремилась сглаживать острые углы с помощью эвфемизмов, то современная медиасреда, напротив, тяготеет к «обнажению приема». Разговорная лексика здесь служит инструментом жесткой верификации. Назвать вещи своими (часто грубыми) именами — значит завоевать доверие аудитории, уставшей от «стерильной» официальной информации. Это ведет к

формированию нового типа газетно-публицистического стиля, где доминантой становится не информативность, а воздействие. Автор становится демиургом, который не просто сообщает новость, а задает эмоциональный вектор её восприятия через лексический выбор. Критический анализ современной практики показывает, что активные процессы в разговорной лексике ведут к «инфляции слова». Из-за частого употребления в медиа сильные, экспрессивные выражения быстро теряют свою энергетику и превращаются в новые штампы. То, что вчера казалось дерзким и свежим (например, использование интернет-мемов в политической колонке), сегодня выглядит как общее место. Это вынуждает журналистов постоянно искать новые пласты лексики, опускаясь всё ниже по иерархической лестнице языка — вплоть до использования обценной лексики или её прозрачных эвфемизмов. Медиапространство продолжит двигаться в сторону персонализации и гибридации. Мы столкнемся с еще более глубокой интеграцией искусственного интеллекта в создание текстов, который будет имитировать разговорный стиль на основе больших данных. Однако именно «авторская шероховатость», непредсказуемость живой человеческой речи, выраженная через разговорные обороты, останется тем маркером, который отличает живую журналистику от алгоритмической генерации контента. Разговорная лексика в современном медиапространстве — это сложная самоорганизующаяся система. Она не только отражает изменения в обществе, но и активно конструирует новую социальную реальность. Процессы демократизации и либерализации языка, несмотря на определенные риски для культуры речи, делают медиа более гибкими, честными и близкими к человеку. Главной задачей лингвистической экологии в этих условиях остается сохранение баланса, при котором «живое слово» не убивает саму способность к глубокому и содержательному диалогу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — 320 с.

2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Левонтина И. Б. О чем речь. — М.: Корпус, 2016. — 512 с.
4. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — С. 150-165.
5. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 383 с.